

Санкт-Петербургский государственный университет

ШУВАЛОВА Варвара Петровна

Выпускная квалификационная работа

**Дифференцированное маркирование объекта в христианском урмийском
идиоме села Урмия (Краснодарский край)**

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа СВ.5048 "Теоретическое и
Экспериментальное языкознание (английский язык)"

Профиль "Теоретическое и экспериментальное языкознание"

Научный руководитель:

доцент,

Кафедра общего языкознания

имени Л. А. Вербицкой,

Сай Сергей Сергеевич

Рецензент:

старший научный сотрудник,

Институт русского языка

имени В. В. Виноградова РАН,

Стойнова Наталья Марковна

Санкт-Петербург

2022

Оглавление	
1. Введение	3
1. Дифференцированное маркирование объекта: типологический обзор	5
1.1. Грамматикализация системы маркирования	5
1.2. Зависимостное и вершинное маркирование и индекс и флег	7
1.3. Что считать типичным объектом	8
1.4. Параметры, влияющие на маркирование объекта	12
1.4.1. Именные иерархии	12
1.4.2. Информационная структура	13
2. Дифференцированное маркирование объекта в семитских языках	16
3. Маркирование объекта в христианском урмийском	23
4. Предыдущие исследования дифференцированного маркирования в христианском урмийском	26
5. Методология исследования	28
5.1. Идиом и материал исследования	28
5.2. Создание и разметка выборки	29
6. Результаты	33
6.1. Варианты маркирования	33
6.2. Время глагола	35
6.3. Одушевленность	37
6.4. Определенность	38
6.5. Лицо, число	39
6.6. Информационная структура	39
7. Выводы	42
Литература	45
Приложение	54

1. Введение

Настоящее исследование посвящено вопросу о маркировании объекта в христианском урмийском идиоме села Урмия (Краснодарский край). Лингвистическая ситуация и идиомы, представленные в селе Урмия, изучаются лингвистами совсем недавно (см. работы [Сай 2020; Ovsjannikova, Zabelina, Kozhanov in print]), и его описание еще не является полным. Неполные сведения о маркировании объекта в вариантах христианского урмийского, распространенных в других ареалах, представлены в работах [Murre-van den Berg 1999, Саркисов 2017, 2018]. Цель данной работы – дополнить существующие описания маркирования объекта в христианских урмийских идиомах, проанализировать параметры, влияющие на появление маркеров объекта в христианском урмийском идиоме села Урмия, и сопоставить полученные результаты с данными родственных идиомов.

Поставленная цель требует выполнения следующих задач:

1. анализ литературы, посвященной дифференцированному маркированию объекта, – как в типологической перспективе, так и конкретно в семитской языковой семье – с целью выделения параметров, которые могут влиять на маркирование объекта в изучаемом идиоме;
2. установление списка параметров;
3. сбор материала путем элицитации и анализа нарративов;
4. создание и разметка выборки, состоящей из предложений с монотранзитивными глаголами с прямым объектом;
5. анализ по выбранным параметрам, исследование их влияния на появление объектного маркера.

Объектом исследования является дифференцированное маркирование объекта в христианском урмийском идиоме, распространенном в селе Урмия (Краснодарский край). **Предмет** исследования – прямые объекты монотранзитивных конструкций, маркирующиеся одним из двух способов

(суффиксом на глаголе или предлогом *ka*) или не получающие никакого маркера.

В ходе исследования проверялись следующие гипотезы:

1. Объекты, занимающие высокую позицию в иерархиях лица, числа, определенности или одушевленности, получают эксплицитный маркер объекта чаще, чем объекты, находящиеся внизу этих иерархий.
2. На появление маркера объекта влияет информационная структура предложения.
3. Тип используемого суффикса (который сам зависит от видовременной формы глагола) влияет на частотность появления маркера объекта.

Материал для исследования был собран в экспедициях в село Урмия в августе 2019 и 2021 годов, он состоит из корпуса устных текстов, собранного лингвистами в ходе экспедиций, а также элицитированных мной примеров и переводов сказки. Выборка на основе текстов содержит 142 примера, на основе элицитации — 314 примеров (анкеты), на основе переводов — 154 примера, анкеты были собраны у девяти носителей, сказка — у 4 носителей. Все данные транскрибировались с использованием системы записи, описанной в [Khan 2016] с дополнением некоторых принципов из [Церетели 1964]. Глоссы, использующиеся в работе, опираются на лейпцигские правила глоссирования [Comrie et al. 2008]

Основными **методами** являлись полевой метод сбора материала и статистические методы анализа данных.

Актуальность настоящей работы обусловлена выявлением факторов, от которых зависит наличие или отсутствие маркера объекта в христианском урмийском. **Новизна** работы состоит в том, что в ней впервые анализируется влияние исследуемых факторов на собранном материале. **Теоретической ценностью** можно считать проверку типологических универсалий на

материале конкретного идиома, еще мало изученного в предложенной для исследования сфере. **Практическая значимость** состоит в том, что эта работа дает новые факты о христианском урмийском, а также о взаимовлиянии семантических и синтаксических параметров, лежащих в основе появления маркера объекта, что, в свою очередь, дает почву для дальнейшего изучения типологических тенденций дифференцированного маркирования объекта.

1. Дифференцированное маркирование объекта: типологический обзор

1.1. Грамматикализация системы маркирования

Дифференцированное маркирование объекта [Aissen 2003a, de Swart 2007, Iemmolo 2011, Siewierska 1999; Naig 2018] (далее – DOM) — это система маркирования, при которой объект получает эксплицитный маркер только в определенных случаях, в зависимости от определенных семантических и синтаксических свойств самого этого объекта. Такая система является более экономной в сравнении с системой с обязательным маркированием объекта и является естественным результатом процесса грамматикализации.

В отсутствии системы с жестким маркированием участников языка могут придерживаться одной из двух стратегий замещения. Первую стратегию можно назвать т. н. позиционным замещением (англ. *positional replacement*), когда на смену падежам приходит порядок слов [Bossong 1991: 146]. Мы можем видеть такой путь грамматикализации от жесткой системы падежного маркирования актантов в латинском языке (x) к информационно нагруженному порядку слов во французском и итальянском [там же: 146].

Второй стратегией является создание новой грамматической системы маркирования актантов (англ. *grammatic replacement*) [там же: 146]. Так, в испанском языке предлог *a*, имевший изначально дативную семантику,

появляется только с одушевленными (1) референтными (2) объектами, то есть в случаях, где слушатель может запутаться в ядерных участниках [Hopper & Thompson 1980: 256].

Испанский [Hopper & Thompson 1980: 256]

(1) a. Busc-o a mí amigo
искать.PRS-1SG к мой друг
‘Я ищу моего друга’

b. Busc-o mí sombrero
искать.PRS-1SG мой сомbrero
‘Я ищу мое сомbrero’

Испанский [Bossong 1991: 147]

(2) a. No quis-e degollar
NEG хотеть.PST-1SG обезглавить
a mí perro favorito
к мой пес любимый
‘Я не хотел обезглавливать своего любимого пса’

b. Tenía que ir a matar
Иметь.IMPF что идти к убить
un zorro
INDF.M лиса
‘Я должен был убить лису’

Христианский урмийский идиом, исследуемый в данной работе, является примером системы с грамматическим замещением: в прасемитском языке восстанавливается система падежных показателей (-*u* и -*a* в единственном числе, -*ū* и -*ī* во множественном [Bossong 1991: 145]), которая сохранилась в некоторых языках-потомках, к примеру, в аккадском или классическом арабском. В других языках-потомках, включая новоарамейские, эта система

постепенно выветривалась, заменяясь мягкой системой дифференцированного маркирования [Kalinin, Loesov 2013: 4].

1.2. Зависимостное и вершинное маркирование и индекс и флег

Существует широко распространенные термины, называющие два типа маркирования аргументов, — это вершинное и зависимостное маркирование. В статье Дж. Николс и Б. Биккеля эти термины определяются следующим образом:

«In any kind of phrase, overt morphosyntactic marking reflecting the syntactic relations within the phrase may be located on the head of the phrase, on a non-head (i.e. on a dependent), on both, or on neither. In possessive phrases, the possessed noun is head and the possessor is dependent. <...> In clauses, the arguments are dependents and the verb is the head¹». [Nichols & Bickel 2005: 106]

Таким образом, вершинное маркирование – это такое маркирование, которое появляется на вершине: на глаголе как вершине клаузы, имени как вершины именной группы (далее – ИГ), на посессуме в посессивной конструкции и т. д. Зависимостное маркирование – то, которое появляется на других участниках.

Хаспельмат критикует эту пару терминов, апеллируя к их лингвоспецифичности как абстрактных, семантических единиц: мы не всегда с легкостью можем понять, где находится вершина в отдельно взятом языке. Этим термины индекс (англ. *index*) и флег² (англ. *flag*) выгодно отличаются от

¹ «В любой группе эксплицитное морфосинтаксическое маркирование, отражающее синтаксические отношения внутри группы, может быть расположено на вершине, не на вершине (т.е. на зависимом), на обоих или ни на одном из них. В посессивных конструкциях посессум является вершиной, посессор – зависимым... В клаузах глагол является вершиной, а его аргументы – зависимыми».

² К сожалению, нет устойчивого перевода термина *flag* на русский язык, поэтому я решила использовать прямое заимствование.

названных выше, так как они напрямую связаны с такими понятиями как «глагол», «существительное», «посессор» и пр. [Haspelmath 2019].

Флег – термин, объединяющий в себе адлоги и падежные маркеры, – это связанная форма, которая появляется на ИГ и маркирует семантическую связь этой ИГ с глаголом или с посессумом [Haspelmath 2019: 96].

Индекс – это связанная форма, появляющаяся на глаголе для маркирования его аргумента или на существительном для маркирования его посессора [Haspelmath 2019: 96].

Таким образом, дифференцированное маркирование делится на два типа: *differential object indexing* (далее – DOI) ‘дифференцированное индексирование объекта’ (некоторые исследователи – см. среди прочих [Coghill 2014] – используют в этом же значении термин *differential object agreement* DOA) и *differential object flagging* (далее – DOF) ‘дифференцированное маркирование с помощью флега’.

1.3. Что считать типичным объектом

Существует множество моделей, пытающихся объяснить существование и принципы работы DOM. Чтобы понять различия между этими моделями, важно помнить о том, что часто за отправную точку в построении объяснений и принципов работы DOM берутся общие теории падежа.

Основной функцией падежа обычно считают реляционную: падеж выражает семантическое отношение между глаголом и его зависимыми [Siewierska & Bakker 2008: 291]. В дополнение к этой основной функции выделяются две дополнительные: 1) падеж служит для различения субъекта и объекта в переходной конструкции; 2) падеж служит для выделения свойств аргумента или предложения [Siewierska & Bakker 2008: 291]. Теоретические описания DOM делятся на два лагеря, каждый из которых делает акцент на

разных функциях падежа. В первый лагерь входят работы, в которых берется за основу различительная функция падежа (англ. *distinguishing*), во второй лагерь – работы, в которых берут за основу выделяющую функцию падежа (англ. *highlighting*). Принципиальное различие между этими подходами заключается не столько в функции падежа, на которую они опираются, сколько в представлениях о том, что такое «типичный объект». Рассмотрим эти подходы подробнее.

В «выделяющем» подходе к DOM (см, к примеру, [Hopper & Thompson 1980; Naess 2004]) важной функцией маркирования считается выделение свойств аргумента или предложения. Основными понятиями в этом подходе являются семантическая переходность предложения и вовлеченность объекта. Функция маркирования состоит в том, чтобы отметить, или «выделить», высокую степень вовлеченности объекта. На вовлеченность может влиять как семантика глагола, так и семантические и дискурсивные свойства объекта. Такие свойства объекта, как определенность, одушевленность или специфичность, делают его более интересным для человека [Naess 2004: 1202], и поэтому объекты, обладающие этими свойствами, требуют большей маркированности. Понятие индивидуированности, или выделенности, объекта (англ. *prominence, salience*) [de Swart 2007: 138; Croft 1988; Lehmann 1982], объединяющее высокий уровень одушевленности, определенности и пр., также характерно для обсуждаемого подхода, поскольку считается, что вовлеченность объекта зависит от степени индивидуированности: действие более успешно переносится на объект, если оно направлено на индивидуированного пациента, чем на неиндивидуированного; таким образом, определенный объект затрагивается более полно, чем неопределенный [Hopper & Thompson 1980: 253; Naess 2004: 1191].

Причины считать сильно индивидуированные объекты типичными или естественными представлены в работе [Naess: 2004: 1191]: во-первых, она утверждает, со ссылками на [Fillmore 1977; Dixon 1994], что если в предложении имеется более одного дополнения, в позиции прямого объекта окажется именно тот аргумент, который интерпретируется как наиболее вовлеченный. Во-вторых, конструкция, в которой нет сильно индивидуированных объектов, с малой вероятностью будет оформляться как синтаксически переходная. Более того, объекты с низкой вовлеченностью типологически демонстрируют тенденцию к инкорпорации, что в конечном счете приводит к использованию непереходных конструкций. Рассмотрим пример из тонганского языка (австронезийская семья):

Тонганский

(3) a. Na'e inu 'a e kavá 'e Sione
 PAST пить ABS CONN кава ERG Джон

 'Джон выпил (определенную) кава'

b. Na'e inu kavá 'a Sione
 PAST пить кава ABS Джон

 'Джон выпил (какую-то) кава'

[Mithun 1984]

В примере (3b) объект *kava* инкорпорирован в глагол, а субъект *Sione* стоит в абсолютном падеже вместо эргатива, который мы ожидаем в переходной конструкции. Таким образом, получается, что конструкция является морфосинтаксически непереходной, а инкорпорированные объекты не квалифицируются как объекты с формальной точки зрения. Таким образом, объекты с низким уровнем индивидуированности в целом не следует рассматривать как естественные или типичные.

Противоположный рассмотренному «различительный» подход (например, [Comrie 1989; Aissen 2003a, 2003b; Dahl 2008; de Swart 2006])

основан на идее о том, что важной функцией падежа является различие подлежащего и дополнения в переходных конструкциях. В рамках этого подхода используется другое представления о прототипическом объекте: предполагается, что если прототипический субъект переходного предложения отличается высокой индивидуализацией, то прототипический объект, напротив, является низко индивидуализированным. Конструкция с такими прототипическими участниками называется гармоничной; любое отклонение от этой схемы требует большей маркированности участников для сохранения однозначности при интерпретации информации [Comrie 1989: 128]. Дифференциация участников в такой системе выражается формально только в интуитивно неоднозначных, дисгармоничных случаях [Haspelmath 2008: 7, Comrie 1979: 19].

Многие исследования DOM, основанные на различительной функции падежа, предполагают, что появление маркера зависит от частотности (см., например, [Aissen 2003b, Haspelmath 2008a: 25, Comrie 1989]). Э. Даль на основе корпуса разговорного шведского языка сообщает, что объекты в подавляющем большинстве неодушевленные (89%), в то время как субъекты переходных предложений почти всегда одушевленные (93%) [Dahl 2008: 142], в связи с чем на одушевленных объектах маркер появляется чаще. Объяснение межъязыковых паттернов в DOM с помощью частотности звучит привлекательно из-за своей простоты, но все же не работает повсеместно. Подсчет корпусов действительно поддерживает гипотезу о том, что неодушевленные объекты превосходят по количеству одушевленные объекты (что как будто бы может быть объяснением того, почему на них маркер объекта появляется реже, чем на одушевленных). Однако анализ объектов с точки зрения определенности не дает столь же хороших результатов, подтверждающих эту гипотезу [Givón 1979; Jäger 2007]. Неопределенные объекты, считающиеся семантически и формально немаркированными, не

всегда превосходят числом определенные, считающиеся маркированными. Скорее, как отмечают Хоппер и Томпсон, подсчет по текстам показывает примерно равное количество неопределенных и определенных объектов [Hopper & Thompson, 1980: 291]. Так, Т. Гивон обнаружил следующее соотношение в английском корпусе: 44 % неопределенных и 56 % определенных объектов по сравнению с гораздо более асимметричным распределением среди подлежащих, где количество определенных (91%) намного превосходит количество неопределенных (9 %) [Givón, 1979: 52]. В свете этих подсчетов нельзя утверждать, что свойства, воспринимаемые как семантически и формально немаркированные, по определению встречаются чаще, чем их маркированные аналоги. Мы можем заключить, однако, что существует корреляция между определенностью и синтаксической ролью: «Объекты имеют тенденцию чаще быть неопределенными по сравнению с подлежащими» [Hopper & Thompson, 1980: 291]. Если в предложении есть неопределенная ИГ, то она скорее будет занимать позицию объекта, нежели субъекта. Кроме того, гипотеза о том, что частота является определяющим фактором в DOM, нуждается в дальнейшем подтверждении с помощью большего количества статистически проанализированных текстовых данных на более широком спектре языков [Mulder 2014: 7].

«Различающий» и «выделяющий» подходы к DOM пересекаются, по крайней мере, в двух пунктах: 1) они приписывают важную роль индивидуированности; 2) они предсказывают, что маркер будут получать объекты, тяготеющие к верхней части иерархий, поскольку именно там расположены наиболее выделенные объекты: первый подход предсказывает, что маркируется типичный объект, а второй – что маркируется девиантный объект.

1.4. Параметры, влияющие на маркирование объекта

1.4.1. Именные иерархии

Система DOM выборочно маркирует участников в зависимости от ряда их семантических и дискурсивных признаков. Одними из самых типологически распространенных параметров, воздействующих на DOM, являются определенность, одушевленность и лицо, которые также объединяются под термином значимость объекта (*salience/prominence*) [de Hoop, de Swart 2009; de Swart 2007]. Эти факторы могут быть представлены в виде иерархий (4-6), что позволяет сформулировать следующую универсалию:

«If any Patient is overtly case-marked, then all Patients that are higher on the animacy scale, the definiteness scale, or the person scale are marked at least to the same extent [Haspelmath 2008: 2]»³

Иерархия определенности [Aissen 2003a: 437]

(4) Местоимение > Имя собственное > Определенная ИГ > Референтная неопределенная ИГ > Нереферентная ИГ

Иерархия одушевленности [Aissen 2003a: 437]

(5) Личное имя > неличное одушевленное > неодушевленное

Иерархия лиц [Aissen 2003a: 457]

(6) Локуторы (1-2 лица) > 3 лицо

1.4.2. Информационная структура

В последнее время исследования DOM все больше концентрируются на влиянии информационной структуры и топикальности на появление маркера объекта (см. среди прочих [Dalrymple & Nikolaeva 2011; Iemmolo 2010, 2011; Iemmolo & Klumpp 2014; Nikolaeva 1999, 2001]). Далримпл и Николаева

³ «Если некий пациент получает эксплицитное маркирование, то все пациенты, стоящие выше на иерархиях определенности, одушевленности и лица должны маркироваться как минимум в той же степени».

выделяют три типа систем DOM в языках мира [Dalrymple & Nikolaeva 2011: 221]:

1. Система, где DOM зависит только от информационной структуры.

Примером такой системы являются хантыйский и мансийский языки, в которых топикальные объекты могут получать объектное маркирование. В этих языках нет семантических ограничений на DOM: все семантические типы объектов могут маркироваться, единственное исключение составляют нереферентные объекты, но это объясняется требованием к топикам быть референтными.

2. Система, где DOM зависит от семантических и прагматических характеристик объекта, таких как одушевленность и определенность.

К этому типу принадлежит, к примеру, иврит, в котором маркер аккузатива получают определенные объекты [Aissen 2003b], имбабура-кечуа (кечуа), где маркируются объекты первого лица единственного числа [Cole 1982], язык йидинь (пама-нюнга), где маркирование фиксируется только для объектов первого и второго лица [Comrie 1979]. Встречаются и более сложные системы, зависящие сразу от серии параметров. Так, в коми-зырянском (уральские) винительный падеж получают либо одушевленные, либо определенные объекты (определенность отмечается посессивным аффиксом третьего лица), а неодушевленные неопределенные предметы остаются в именительном падеже [Сердобольская, Толдова 2012, Serdobolskaya, Toldova 2012].

3. Система, где DOM зависит от обоих этих параметров.

Этот тип кажется наиболее распространенным. В таких языках DOM обычно мотивируется семантикой объекта, но некоторые семантические классы допускают определенную вариативность: объекты с одинаковыми семантическими характеристиками могут быть как маркированы, так и не

маркированы в зависимости от их роли в информационной структуре. Здесь можно выделить два подтипа:

- a. Система, где маркируются все топикальные объекты, а нетопикальные маркируются в том случае, если они обладают определенными семантическими и прагматическими свойствами.

Примером языков этого подтипа могут быть некоторые языки банту. В суахили маркер объекта является обязательным для одушевленных объектов, неодушевленные объекты маркируются для выделения их значимости в дискурсе (топикальность) [Seidl and Dimitriadis 1997].

- b. Система, где маркируются только топикальные объекты, обладающие определенными семантическими и прагматическими свойствами, а нетопикальные объекты не маркируются в принципе.

В австронезийском селаярском языке, где различие между фокусом и топиком отражается в порядке слов, глагол получает маркер согласования с топикальными определенными объектами, но не имеет маркера с фокальными определенными объектами и с неопределенными объектами [Finer 1997]. В сингальском языке маркируются одушевленные топикальные объекты, неодушевленные остаются не маркированными [Aissen 2003a].

Итак, можно выделить следующую иерархию отношения между информационной структурой и DOM [Aissen 2003b, Dalrymple & Nikolaeva 2011, Shain & Tonhauser 2011: 326]:

(7) топик > не топик

В представленной выше классификации языков объединяются вместе понятия DOF и DOI. Дж. Йеммоло предлагает отдельный анализ этих явлений в отношении влияния информационной структуры [Jemolo 2011]. Он утверждает, что флеггинг в большинстве случаев используется для ситуаций смены топика, таких как смена или выдвижение топика [Jemolo

2011: 269]. Флег часто маркирует объект, который не был упомянут в непосредственно ближайшем дискурсе, поэтому его актуализированность в сознании слушающего не вполне ясна. Примерами конструкций смены топика являются левое или правое выдвижение объекта и топикализация. При топикализации и левом выдвижении объекта объект передвигается в позицию начала предложения, эмфатически выражая его топикальность [Foley 2007: 443] (8). При сдвиге объекта вправо объект с теми же целями эмфазы передвигается, наоборот, в конец предложения (9).

Северный итальянский

(8) A te, non ti sopporto più!
OBJ 2SG NEG CLT.2SG терпеть.PRS.1SG дольше
'Я больше не могу выносить тебя!' [Iemmolo 2010: 249]

Английский

(9) She kissed me, Maya
она поцеловать.PST меня Майя
'Она меня поцеловала, Майя' [Ariel 1999: 203]

Итак, в то время как флеггинг используется для маркирования смены топика, индексирование маркирует продолжающийся топик [Iemmolo 2011: 134, 269], то есть тот объект, который был топиком в ближайшем дискурсе.

2. Дифференцированное маркирование объекта в семитских языках

Подробный анализ устройства дифференцированного маркирования в ряде семитских языков представлен в работе [Mulder 2014], основные выводы из которой я перескажу ниже.

Эта работа основана на выборке, построенной по принципу максимальной генетической сбалансированности: с опорой на классификацию семитских языков, представленных в работе [Faber 1997],

были выбраны языки с наибольшей генетической дистанцией. В работе [Faber 1997] семитские языки разделены на 18 ветвей, из них в работе [Mulder 2014] представлено 9: 5 ветвей содержат только вымершие языки, 4 ветви не имеют достаточного материала для анализа – по этим причинам они были исключены из рассмотрения. Из оставшихся девяти ветвей было взято по одному языку, кроме аравийской ветви, из которой был взят не только сирийский арабский, но и мальтийский язык по причине своей географической изолированности от других семитских языков. Во всех исследуемых языках присутствуют и DOF, и DOI, кроме языка мехри, в котором есть только DOI. Исследуется влияние параметров одушевленности, определенности и информационной структуры на дифференцированное маркирование в языках выборки. Получены следующие результаты.

Иерархия одушевленности влияет на DOM в пяти языках: амхарском, мальтийском, современном иврите, сирийском арабском и языке зай. Влияние на DOF отмечено во всех пяти языках, а на DOI – в амхарском языке. Утверждается, что одушевленность не играет роли в языке телькепе [Coghill 2014: 343], насчет языка тигринья мнения расходятся, этот параметр не обсуждается в отношении DOM для оставшихся трех языков: чаха, гафат и мехри.

Иерархия одушевленности влияет на семитскую систему DOM несколькими способами. Во-первых, во многих языках наблюдается такая модель маркирования вопросительных местоимений, при которой маркируются одушевленные вопросительные местоимения «кто», в то время как неодушевленные «что» либо никогда не маркируются, либо делают это реже. Ниже представлен пример такой системы маркирования в языке тигринья, где возможно маркирование одушевленного вопросительного местоимения, но запрещено маркирование неодушевленного (10). Сходные, но не вполне идентичные стратегии маркирования вопросительных

местоимений описаны для амхарского [Khan 1984: 473; Cohen 1936: 123], мальтийского [Borg & Azzopardi-Alexander 1997: 7, 210], современного иврита [Danon 2002: 198-199, 206; Glinert 1989: 272] и языка зай [Meyer 2005: 90].

Тигринья

(10) a. Ni-män wädi ki-ti-gäbir-i

OBJ-кто сын FUT-SUBJ.2S-делать.PRS-SUBJ.2FS

ix-i ?

AUX.FUT-SUBJ.2FS

‘Кого ты сделаешь сыном?’

b. (*Ni-)ʔintay ti-ħasib-i

OBJ-что SUBJ.2S-думать.PRS-2FS

aläx-i ?

AUX.PRS-SUBJ.2FS

‘О чем ты думаешь?’

[Kievit & Kievit 2009: 69, цит. по Mulder 2014: 17]

Во-вторых, объекты, обозначающие людей, получают маркер обоих типов (индекс и флег) чаще, чем неодушевленные объекты в следующих языках: в амхарском [Khan 1984: 473, 476], мальтийском [Borg & Mifsud 2002: 34-35], сирийском арабском [Cowell 1964: 435] и языке тигринья [Kievit & Kievit 2009: 65].

Определенность влияет на маркирование объекта во всех языках, кроме языка мехри, в источниках по которому не обсуждается этот фактор в контексте DOM. Для языка зай утверждается, что определенность влияет на DOI, но не на DOF [Meyer 2005: 348; ср. Leslau 1999: 44].

Там, где определенность играет роль, определенные объекты получают маркер чаще, чем неопределенные. Ниже перечислены три типа систем, о которых сообщается в источниках.

- В системе DOF определенные объекты обязательно маркируются, неопределенные – необязательно, в системе DOI и определенные, и неопределенные объекты не обязательно маркируются, однако неопределенные получают маркер крайне редко. Пример языка – амхарский [Appleyard 2004: 291; Baker 2012: 257; Khan 1984: 472, 478; Leslau 1995: 892].
- В системе DOF определенные объекты маркируются факультативно, неопределенные не маркируются никогда. Пример – язык чаха [Leslau 1950: 17].
- В системе DOF определенные объекты маркируются в обязательном порядке, неопределенные объекты никогда не маркируются. Пример – современный иврит [Glinert 1989: 157].

Информационная структура играет роль в семи языках: амхарском, мальтийском, мехри, современном иврите, сирийском арабском, телькепе и тигринья. Считается, что для всех языков, кроме современного иврита и мехри, этот фактор влияет как на DOF, так и на DOI. В современном иврите индексация ограничена формальным регистром и встречается довольно редко [Glinert 1989: 52], поэтому неудивительно, что данных по влиянию топиальности на DOI в этом языке нет. В мехри, как упоминалось ранее, есть только DOI. В источниках по трем оставшимся языкам – чаха, гафат и зай – не обсуждается влияние этого фактора на DOM.

Как отмечалось ранее, есть два предположения по влиянию информационной структуры на DOM:

1. Если информационная структура играет роль в системе DOM, распределение маркирования соответствует шкале топиальности.
2. Флег маркирует переключение топики, индекс маркирует продолжающийся топик.

Некоторые семитские языки из выборки показывают тенденции в маркировании, которые противоречат заявленным выше ожиданиям. Рассмотрим подробнее каждый язык.

Амхарский язык – единственный язык в выборке, в котором влияние информационной структуры на DOF почти полностью соответствует заявленным предположениям: флег служит для маркирования переключения топика [Cohen 1936: 316], но выдвинутые влево объекты маркируются так же, как и объекты в предложениях с обычным порядком слов, вопреки гипотезе Йеммоло [Cohen 1936: 147; Leslau 1995: 182, 836]. DOF влияет на появление DOI: если топикальный объект получает флег, он также часто и индексируется. Таким образом, индексация с большой частотностью появляется при эмфатическом выдвигании объекта в начало предложения, что противоречит идее о том, что DOI маркирует продолжающийся топик.

В мальтийском языке вопреки ожиданиям объект, выдвинутый в начало предложения, должен маркироваться индексом на глаголе [Borg & Comrie 1984: 112], несмотря на то что в предложении с обычным порядком слов обязательным было бы использование флега:

Мальтийский

- (11) а. (Lil) Ġanni raj-t-u
OBJ JOHN видеть.PRF-SUBJ.1S-**OBJ.3MS**
dalġhodu
этим.утром
'Джона я видел этим утром'

[Borg and Misfud 2002: 36, цит.по Mulder 2014: 20]

b. It-tifel ra
 DEF-ребенок видеть.PRF.SUBJ.3MS

iii Marija

OBJ Мария

‘Мальчик видел Марию’

[Borg and Misfud 2002: 34, цит. по Mulder 2014: 20]

В источнике по языку мехри отдельно не описывается влияние топикальности на DOM, однако упоминается, что объект, выдвинутый в начало предложения, должен маркироваться индексом на глаголе (хотя ожидалось бы для этого случая как раз маркирование флегом) [Wagner 1953: 90, цит. по Mulder 2014: 21].

Как уже было сказано, в современном иврите индексация используется в формальном регистре речи, так что о ней в источниках сообщается мало. Про флеггинг говорится, что хотя определенные объекты должны маркироваться обязательно, выдвинутые в начало предложения топики могут терять маркер *et* [Glinert 1989: 417], что происходит при смене топики. В примере (12) можно увидеть не маркированный определенный объект, выдвинутый на левую периферию предложения, см. (12a), и, наоборот, маркированный неопределенный объект, не являющийся топиком (12b).

Современный иврит

(12) a. Ha-monithazot, mi hizmin ot-a?
 DEF-такси.DEM.FS кто заказать.PST.SUBJ.3MS OBJ-3FS
 ‘Такси, кто заказал его’

[Glinert 1989: 417, цит. по Mulder 2014: 21]

b. Dan kara *(et) ha-itonim.
 Дэн читать.PST.3MS OBJ DEF-газеты
 ‘Дэн прочел эти газеты’

[Danon 2006: 979, цит. по Mulder 2014: 21]

Суммируя все вышесказанное, можно сказать, что исследуемая в работе [Mulder 2014] выборка семитских языков представляет необычную картину влияния информационной структуры на DOM, только частично подтверждая кросслингвистические гипотезы. DOI в языках выборки ведет себя согласно гипотезам относительно влияния топиальности, но DOF показывает обратные тенденции в ситуациях с объектами, вынесенными на левую периферию, или первичными топиками в мальтийском, современном иврите, телькепе и тигринья, где выдвинутые влево объекты маркируются реже, чем объекты, стоящие в нейтральной позиции. Что касается второй гипотезы о распределении DOF (маркирование смены топика) и DOI (маркирование продолжающегося топика) [Iemmolo 2011: 269], М. Молдер добавляет, что кроме случаев, попадающих в эту гипотезу, есть такие, где смена топика может быть отмечена отсутствием маркера DOF (мальтийский, современный иврит, телькепе и тигринья) [Mulder 2014: 24], что уже ранее находило отражение в литературе: к примеру, для выдвинутых влево объектов К. Синнемяки утверждает возможность как более частой маркированности, так и, наоборот, меньшей маркированности по сравнению с объектами, стоящими в нейтральной позиции в предложении [Sinnemäki 2014: 288]. М. Молдер утверждает, что левое выдвижение объекта чаще сопровождается появлением индекса на глаголе, чем флеггингом [Mulder 2014: 24].

3. Маркирование объекта в христианском урмийском

Как уже было сказано ранее, объект в христианском урмийском может маркироваться суффиксально (*indexing*) или с помощью предлога *ka* (*flagging*). Существует три типа суффиксов, которые в зависимости от видовременной формы глагола маркируют объект, их парадигма показана в Таблице 1, взятой из [Сай 2020: 659]. О специфичности данной

Еще на ранних стадиях развития арамейского, предлог *l-* грамматикализовался по траектории аллативный > дативный > аккузативный показатель [Kalinin, Loesov 2013: 32].

Ранний арамейский

- (16) 'yt l-'nš-' ksp
COP к-человек-DEF серебро
'У человека есть серебро'

[Creason 2004: 423, цит. по Baerman 2007: 34]

Примеры с объектами, выраженными S-суффиксами, встречаются редко. Причина этого лежит в истории соответствующих форм. Основа претерита, в которой эти суффиксы используются в качестве маркеров объекта, восходит к пассивному стативному причастию, в котором А-участник выражался как посессор, как в примере (16) выше.

Таким образом, значение формы *ptix-li* 'я его открыл/-а' изначально можно описать как 'У меня он открыт'. Дальнейший путь грамматикализации этой основы: перфект > претерит, — вероятно, происходил под влиянием иранских языков, в частности курдского [Kalinin, Loesov 2013: 35]. На формах этого причастия долгое время выражались только грамматические категории числа и рода субъекта, как и на формах активного причастия, к которой восходит презентная основа. В дальнейшем оба причастия начинают выражать категорию лица, используя в качестве показателей краткие формы личных местоимений (> S-суффиксы). В (17) представлена диахрония значений при формах с презентной (17a-b) и перфектной основами (17c). В этих примерах мы можем видеть, как появилась система, при которой одни и те же суффиксы маркируют противоположных участников при разных основах глагола: суффикс *a* в (17a-b) маркирует субъект, а в (17c) - объект.

В таблице 2 ниже представлены парадигмы суффиксов, объединенные в одну таблицу. В каждом нечетном столбце, кроме последнего, представлены глоссы, которые соответствуют суффиксу, представленному в столбце справа от глоссы. В последнем столбце можно увидеть длинные варианты S-суффиксов. Сразу можно отметить, что S-суффикс 3 лица, единственного числа, мужского рода отсутствует, т. е. равняется нулю. В связи с этим все конструкции с таким объектом были исключены из выборки и далее не рассматривались.

Таблица 2. Парадигма суффиксов.

P.1SG	-i	LS.1SG	-li	SS.1M	-ən	-ina
				SS.1F	-an	-ana
P.2M	-ux	LS.2M	-lux	SS.2M	-ət	-itən
P.2F	-ax	LS.2F	-lax	SS.2F	-at	-atən
P.3M	-u	LS.3M	-lə	SS.3M	∅	-ni
P.3F	-o	LS.3F	-la	SS.3F	-a	-ani
P.1PL	-an/-eni/-ən	LS.1PL	-lən/-lan	SS.1PL	-ax	-axən
P.2PL	-oxun	LS.2PL	-loxun	SS.2PL	-itun/-itux	-ituna
P.3PL	-e	LS.3PL	-lun/le	SS.3PL	-i	-ini

4. Предыдущие исследования дифференцированного маркирования в христианском урмийском

Христианский урмийский идиом лежит в основе литературного ассирийского языка. В грамматиках литературного ассирийского феномену дифференцированного маркирования уделяется мало внимания или не уделяется вообще, ср. среди прочих [Церетели 1964; Агассиев 2007]. В грамматике Мурре-ван ден Берг, однако, есть обсуждение этого вопроса. Она пишет, что основным параметром, влияющим на появление индекса на

глаголе, является определенность прямого объекта: ‘If a direct object is definite <...>, a coreferential suffix is attached to the verb...⁵’ [Murre-van den Berg 1999: 212]. Косвенные дополнения, которые обычно маркируются предлогом *qā*, также могут выражаться индексом на глаголе в тех случаях, когда прямой объект не является определенным. Обратная мена маркеров также возможна: прямой объект может маркироваться предлогом, если он является одушевленным. Кроме того, при всей маргинальности такой конструкции, одушевленные объекты иногда могут получать двойное маркирование, но в каких именно случаях – не уточняется [Murre-van den Berg 1999: 212].

В грамматике разговорного языка [Khan 2016] отмечается, что прямой объект должен быть одновременно определенным и одушевленным, чтобы маркироваться с помощью предлога *ka* [Khan 2016 vol. II: 256]. Также Кхан пишет, что, если прямой объект маркируется предлогом, его референт чаще выражен местоимением, особенно 1 или 2 лица, чем ИГ⁶ [Khan 2016 vol. I: 279]. В целом возможность маркирования прямого объекта предлогом упоминается ни при всех временных формах глагола, ср. описание маркирования объекта на презентной и перфектной основах глагола:

‘The pronominal direct object of verbs derived from the present template (+*katal*) is expressed by L-suffixes’⁷ [Khan 2016 vol. I: 382].

‘The pronominal object of verbs derived from the past template (+*ktil*-) may be expressed in one of two ways, by the inflection of the verbal template by S-suffixes or by an independent prepositional phrase <...> speakers tend to prefer the

⁵ “Если прямой объект является определенным, <...> на глаголе появляется согласовательный суффикс”.

⁶ When the preposition marks the direct object, the complement is most frequently a pronoun, especially 1st and 2nd person, rather than a full nominal.

⁷ Прямой объект при формах глагола, образованных от презентной основы, маркируется L-суффиксами.

expression of the 1st and 2nd person objects by independent prepositional phrases⁸. [Khan 2016 vol. I: 383-384].

В статье [Саркисов 2017], посвященной дифференцированному маркированию объекта в христианском урмийском, приводятся следующие выводы об устройстве этой системы в устной речи. Тип маркирования зависит одновременно от иерархий определенности и одушевленности объекта. Для удобства я представила взаимодействие этих параметров объекта в виде следующей таблицы.

Таблица 3. Взаимодействие параметров одушевленности и определенности объекта в христианском урмийском по статье [Саркисов 2017].

	Личный	Одушевленный	Неодушевленный
Определенный	индекс, <i>qa</i>	индекс, <i>qa</i>	индекс
Неопределенный	индекс, <i>qa</i>	∅	∅

Итого, неодушевленные неопределенные объекты не маркируются ни предлогом, ни индексом. Неодушевленные определенные объекты маркируются на глаголе и не могут маркироваться предлогом *qa*. Одушевленные, но не личные объекты, если они являются неопределенными, обычно остаются немаркированными. Определенные и одушевленные, но неличные объекты либо индексируются на глаголе, либо оформляются предлогом *qa*. Личные же объекты вне зависимости от определенности всегда маркируются либо индексом, либо предлогом [Саркисов 2017: 382-383].

⁸ Прямой объект при формах глагола, образованных от основы прошедшего времени, может маркироваться одним из двух способов: флексией на глаголе с помощью S-суффиксов или с помощью предложной конструкции <...> носители предпочитают маркировать объекты 1 и 2 лиц с помощью предложной конструкции.

5. Методология исследования

5.1. Идиом и материал исследования

Христианский урмийский является аккумулятивным языком с нефиксированным порядком слов при базовом порядке SVO. В нем нет падежного маркирования, спряжение является полиперсональным, на глаголе может выражаться косвенное или прямое дополнение.

Генетически христианский урмийский принадлежит к группе северо-восточных новоарамейских идиомов — к той группе идиомов, на которых говорят иудеи и христиане, исконно жившие на территории Северного Ирака и соседних стран [Hoberman 1988: 557]. Эти идиомы принадлежат восточной ветви новоарамейских языков (< северозападные семитские < семитские < афразийская макросемья) [Лявданский 2009: 663]. На территории России живет большое число носителей новоарамейских языков, самоназвание которых — ассирийцы. Первые ассирийцы приехали и обосновались на Кавказе после русско-персидской войны 1826-1828 гг. В течение следующих полутора столетий их количество постепенно росло. В 1926 году их число составляло примерно 9000. Оно выросло до 21 800 в 1959 г., 24 294 в 1970 г. и примерно 25 000 в 1979 г. Однако одновременно с этим число носителей, считающих ассирийский родным, быстро снижалась [Pennacchietti, Tosco 1991: 15; цит. по Khan 2016: 5-6].

На данный момент компактное поселение ассирийцев в России существует только в одном месте — в селе Урмия недалеко от Армавира, в Краснодарском крае. Лингвистическая картина села Урмия представляет собой конгломерат нескольких идиомов, носители которых переселились на данную территорию из Ирана, Турции и Закавказья в XX веке: первая волна переселения датируется примерно 1910-ми годами (Кавказ и Турция), вторая — началом 90-х годов XX века (Закавказье) [Ovsyannikova, Zabelina, Kozhanov in press]. На исследуемой территории сложилась нетривиальная

лингвистическая ситуация, однако в этой статье исследуется только один из идиомов, представленных на территории села Урмия, — христианский урмийский диалект, сформировавшийся у носителей второй волны переселения, то есть «новый урмийский» идиом. Хотя урмийский диалект лежит в основе литературного ассирийского языка, каждый конкретный идиом имеет свои отклонения от литературной нормы, что верно и для исследуемого идиома, его особенности требуют отдельного анализа и фиксирования.

5.2. Создание и разметка выборки

Собранный устный материал делится на три блока: запись свободно порожденных текстов, элицитированные анкеты и текст сказки для перевода. Элицитация проводилась с опорой на несколько анкет, каждая из которых направлена на независимое, насколько это возможно, изучение одного или нескольких интересующих параметров. По элицитации проверялось влияние следующих параметров: одушевленность, определенность, лицо и число. Полученные тенденции дополнительно проверялись на выборке примеров, взятых из корпуса записанных (полу)спонтанных текстов. Выборка состоит из предложений, содержащих монотранзитивную конструкцию с эксплицитно выраженным объектом, и размечена по следующим параметрам: анкета, носитель, лицо подлежащего, лицо и число прямого объекта, положение объекта на иерархиях определенности и одушевленности, время глагола, тип суффикса и референциальное расстояние до предыдущего упоминания объекта. Влияние информационной структуры проверялась по тексту сказки, который просили носителей перевести, и по корпусу записанных текстов.

Каждая часть выборки была вручную размечена по следующим параметрам:

1. время глагола
2. наличие маркеров:
2a: наличие индекса, 2b: наличие флега
3. лицо объекта
4. число объекта,
5. одушевленность,
6. определенность
7. референциальное расстояние

Для анализа информационной структуры была взята за основу система Гивона, дающая возможность однозначно разметить вхождения по степени их топикальности [Givón 1983]. Из предложенных в его работе параметров был выбран параметр референциального расстояния, который крайне часто имеет влияние на систему языка (см. среди прочих [Givón 1983, Du Bois 1987]). Однако я сделала отхождение от системы Т. Гивона, предполагающей, что все объекты размечаются по градуальному параметру топикальности и все являются топиками в большей или меньшей степени. В отличие от системы Т. Гивона, в который новый, впервые упомянутый участник маркируется так же, как и упомянутый больше, чем 20 клауз назад, я отмечаю таких участников по-разному, что связано с обнаруженной разницей в маркировании одних и других.

Итак, по признаку референциального расстояния (далее -- PP) вхождение может принимать значения 1, 2, 3, Ø.

1-2 – количество клауз до предыдущего употребления объекта.

3 – три и более клауз до предыдущего употребления.

Ø – первое появление объекта в дискурсе.

Здесь важно уточнить, что объект не обязательно должен быть эксплицитно выражен: я считала объект присутствующим в дискурсе, если он не получал эксплицитного выражения, но являлся актантом (а не

сирконстантом) предиката, как в примере (19), где пациенсом при глаголе *братъ* является баран, упоминавшийся в предыдущем предложении и не повторенный в данном.

Христианский урмийский

(19) +bukǰáči mága hǝnna škúł
пастух(М) сказать.PROG это_самое(М) взять.IMP
'Пастух говорит: «Ну ладно, бери»'

Еще надо отдельно сказать, что если объектом являлась часть тела или часть предмета объекта, упоминавшегося в дискурсе ранее, такой объект считался впервые упомянутым и помечался Ø. Так, пример (20) был помечен 'Ø', несмотря на то что одну клаузу до этого была клауза *их дома забрали грузины*, и именно дверь своего бывшего дома и сломала героиня рассказа.

Христианский урмийский

(20) +tarra +šmǝtla
дверь(М) сломать(ся).PST-LS.3F
'Сломала дверь'

Элицитация содержит несколько анкет, направленных на анализ влияния одного из исследуемых параметров при фиксированном значении остальных параметров. Анкеты можно посмотреть в приложении 1.

Первая анкета содержала вопросы для анализа двух параметров -- определенности и одушевленности. В связи с тем, что в христианском урмийском нет грамматикализованного способа выражения определенности, были взяты следующие диагностические контексты:

Определенность:

- Левый контекст

(21) {Женщина хочет покормить собаку} Собака кусает ее.

- Посессивная группа

(22) Эта собака кусает мою жену.

- Местоимение

(23) Волк убивает корову, которая кормила всю нашу семью.

Неопределенность:

- Местоимение *какой-то*

(24) Эта собака кусает какую-то женщину.

Первая анкета состоит из 24 примеров, где проверяются личные, одушевленные и неодушевленные объекты, каждый из которых выражен последовательно всеми способами оформления референтности: местоимением, личным именем, определенной ИГ, неопределенной ИГ, нереферентной ИГ. Время глагола ограничено прогрессивом, объекты взяты только 3 лица единственного числа.

Вторая анкета направлена на изучение времени и числа и состоит из 8 примеров, составляющих 4 пары по числу, первая из которых реферерирует к будущему, вторая -- к настоящему, третья -- к незаконченному прошедшему, четвертая -- к законченному прошедшему.

6. Результаты

6.1. Варианты маркирования

Как уже было сказано выше, в христианском урмийском возможно три варианта оформления объекта: предложной группой с *ka*, суффиксами на глаголе или без какого-либо показателя.

(25) Diva +bəkʔal=əl ka tavərta
 волк(М) убить.PROG=3М к корова(F)
 ‘Волк убивает корову’

(26) Diva +bəkʔal-o=l tavərt-i
 волк(М) убить.PROG-P.3F=3М корова(F)-P.1SG
 ‘Волк убивает мою корову’

- (27) Diva +bəkʔal=əl katu
 волк(M) убить.PROG=3M кошка(F)
 ‘Волк убивает кошку’

Несмотря на то, что двойное маркирование объекта является аграмматичным: объектные суффиксы и предложная конструкция с *ka* находятся в дополнительной дистрибуции, -- иногда двойное маркирование все же встречается:

- (28) Edan xəzy-a-lun kat-o <...> šuddənta
 когда видеть.PST-SS.3F-LS.3PL к-P.3Fсойти_с_ума.RES.F
 ‘Когда они увидели ее, как безумную’

Все случаи двойного маркирования имеют одну общую черту: объектом является протагонист, то есть объект крайней дискурсивной значимости.

В целом, двойное маркирование является стандартным или не маргинальным способом маркирования во многих близкородственных идиомах. Так, в сирийском языке определенные объекты имеют двойное маркирование [Nöldeke 1904: 227; цит. по Coghill 2014: 358] (29), а в литературном варианте христианского урмийского (30) иногда могли получать двойное маркирование одушевленные объекты [Murre-van den Berg 1999: 212]. В близкородственном идиоме тель-кепе < юго-восточные новоарамейские стратегия двойного маркирования является одной из трех распространенных (31) [Coghill 2014: 343].

Сирийский

- (29) bnā-y(h)i l-baytā
 строить.3MS-OBJ.3MS к-дом
 ‘Он построил этот дом’

Литературный христианский урмийский

- (30) Qat qātil=(h)wā=lih qā häywan
 REP убить.3M=PAST=это IO животное
 ‘Что он убил это животное’.

Тель-кепе

- (31) kəm-šāqəl-lə ta barānp
 PST-брат.3MS-OBJ.3MS к баран
 ‘Он взял барана’

Из двух возможных стратегий маркирования флеггинг является в христианском урмийском гораздо более редким и специфичным вариантом. Данные, представленные в таблице 4, показывают крайне сильное различие в распределении данных для текстов и элицитации: в то время как в текстах маркирование прямого объекта *ka*-конструкцией фиксируется очень редко, в элицитации этот вариант является преобладающим (46%).

Таблица 4. Данные элицитации и текстов.

	Ø	индекс	ka	всего
Элицитация	36	124	139	299
Тексты	56	71	3	130
Сказка	34	102	11	147
Всего	126	297	153	576

Я придерживаюсь мнения, что более репрезентативным материалом являются тексты, так как они показывают то, как язык функционирует в свободном формате, в связи с чем по результатам в таблице могу сказать, что маркирование прямого объекта *ka*-конструкцией является скорее малочастотным способом маркирования (2% от общего количества вхождений). В сказке, которая давалась носителям для перевода, предложных маркеров встречено больше (7%). Эти вхождения делятся на два типа: в части

из них объект выражен местоимением, то есть находится наверху иерархии определенности. Во второй, бóльшей части, объектом является протагонист рассказа - вор, то есть объект самой большой дискурсивной значимости.

Итак, мы не можем ожидать, что гипотеза Йеммоло о распределении функций между системами DOI и DOF будет работать для христианского урмийского идиома, потому что флеггинг используется далеко не повсеместно.

6.2. Время глагола

В связи с тем, что в христианском урмийском есть три системы суффиксов, каждая из которых отвечает за маркирование объекта при определенных временных формах, было решено проверить влияние на маркирование параметра времени глагола.

Мы можем выделить три группы видовременных форм:

- 1) формы, при которых объект маркируется P- суффиксом: прогрессив и результатив;
- 2) формы, при которых объект маркируется L-суффиксом: презенс и образованное от той же основы будущее, императив;
- 3) Формы, при которых объект маркируется S-суффиксом: претерит

В таблице 5 представлены данные по элицитации, включающие в себя вхождения с объектами 3 лица (и единственного, и множественного числа). Были взяты только личные объекты, оформленные определенной ИГ, именем собственным или местоимением (т. е. занимающие высокую позицию на иерархиях определенности или одушевленности).

Таблица 5. Наборы суффиксов

	Ø	индекс	ka	оба маркера	итого
S-суффиксы	0	3	14	1	18
P-суффиксы	2	16	17	3	38
L-суффиксы	0	6	2	0	8

По полученному распределению можно видеть, что в видовременных формах, требующих S-суффикса для маркирования объекта, предпочитается маркирование предложной группой (78%). Это вполне укладывается в исторический контекст соответствующих форм, которые, восходя к причастным формам, долго были сильно ограничены по маркированию объекта (см. об этом подробнее в 3 главе). При формах, требующих P-суффикса для маркирования объекта, распределение данных между индексированием и флеггингом равномерное (42% - индекс, 45% - флег). К сожалению, данных по маркированию объекта L-суффиксами не очень много, однако можно увидеть тенденцию более частого маркирования индексом, чем предложной конструкцией. Это может быть связано с более высокой степенью грамматикализации L-суффиксов по сравнению с двумя другими типами суффиксов и также с их этимологией.

Кроме этого, бросается в глаза почти полное отсутствие данных в первом столбце – где должно быть отсутствие маркирования. Об этом пойдет в речь в следующем разделе.

6.3. Одушевленность

В системе маркирования объекта в христианском урмийском есть, судя по всему, только один жесткий запрет: неодушевленные объекты не могут быть маркированы с помощью предлога *ka*:

(32) * baxta +xallul=əla ka šallakta
 женщина(F) мыть.PROG=3F к дыня(F)
 ‘Женщина моет дыню’

То же можно видеть и в устройстве маркирования вопросительных местоимений: *man* ‘кто’ в позиции прямого дополнения маркируется обязательно (33), а *tu* ‘что’ – никогда (34).

(33) **ka man** bəxzay=ət ?
 к кто видеть.PROG=2M
 ana bəxzay-o=n ayue brata
 я видеть.PROG-P.3F=1SGDEM3.F девочка(F)
 ‘Кого ты видишь? – Я вижу эту девочку’

(34) **at mu** +xallul=ət ?
 ты что мыть.PROG=2M
 ana +xallul=ən šallakta
 я мыть.PROG=1M дыня(F)
 ‘Что ты моешь? – Я дыню мою’

Теперь перейдем к тенденциям. В таблице 6 представлено распределение данных эликации, включающих объекты 3 лица при глаголе в форме прогрессива.

Таблица 6. Иерархия одушевленности

	∅	индекс	ка	всего
Человек	0	9	14	23
Животное	3	16	8	27
Неодушевленное	11	12	0	23
всего	14	37	22	73

По приведенным данным можно видеть, что одушевленные объекты крайне редко встречаются без какого-то из двух маркеров -- всего в 5% случаев. Предложное маркирование тяготеет к объектам, находящимся в самой верхней части иерархии одушевленности – к людям (63% от примеров с маркером *ka*); животные могут маркироваться предложно (30% от всех примеров с животными), но делают это реже, предпочитая индексирование (59%).

6.4. Определенность

В таблице 7 представлено распределение данных элицитации, включающих объекты 3 лица при глаголе в форме прогрессива. Для одушевленности и определенности была создана одна анкета, так что в таблице можно видеть те же 73 вхождения.

Таблица 7. Иерархия определенности

	∅	индекс	ka	всего
Местоимение	0	3	1	4
Имя собственное	0	4	2	6
Определенная ИГ	1	19	9	29
Референтная неопр. ИГ	6	5	6	17
Нереферентная ИГ	7	6	4	17
всего	14	37	22	73

По распределению можно видеть следующие закономерности: объекты, стоящие выше на иерархии одушевленности (местоимения, имена собственные и определенные ИГ) почти всегда получают эксплицитные маркеры; определенные ИГ индексируются гораздо чаще на глаголе, чем неопределенные, что вполне ожидаемо вытекает из происхождения индексов из местоимений [Givón 1976: 180; Ariel 1999: 198].

6.5. Лицо, число

В таблице 8 представлены данные по текстам, в которые включены только объекты 3 лица. Как уже говорилось ранее, из выборки были исключены примеры, в которых объект 3 лица, единственного числа, мужского рода должен выражаться S-суффиксом. По этим данным мы можем видеть, что различия в маркировании объектов единственного или множественного числа крайне малы (данные были также проверены по критерию χ^2 , значение по которому составляет 2.071, $p = 0.356$, что не позволяет сделать вывод о значимом различии).

Таблица 8. Число

	Ø	индекс	ka	всего
SG	44	40	1	85
PL	12	19	0	31
всего	66	59	1	116

Параметр лица влияет на маркирование: локуторы всегда маркируются, в то время как объекты 3 лица получают (52%) и не получают (48%) маркирования примерно в одинаковом количестве случаев. Данные представлены в таблице 9 ниже.

Таблица 9. Лицо.

	Ø	index	ka	всего
1-2 лицо	0	12	2	14
3 лицо	56	59	1	116
всего	56	71	3	130

6.6. Информационная структура

Влияние информационной структуры проверялась с помощью параметра референциального расстояния. Объекты, появившийся в дискурсе первый раз, получали отдельный маркер Ø. В таблице 10 представлено распределение данных, где по горизонтали обозначено референциальное расстояние, а по вертикали – варианты маркирования.

Таблица 10. Референциальное расстояние.

	Ø	индекс	ка	всего
PP 1	28	82	8	118
PP 2	5	20	3	28
PP 3	9	51	0	60
PP Ø	48	20	3	71
Всего	90	173	14	277

Мы можем видеть неравномерное распределение данных (значение по критерию χ^2 составляет 62.370, $p < 0.01$), если сравним числа в первых трех строках и в четвертой: объект, ранее упомянутый в дискурсе, с большей вероятностью получает маркер объекта, чем не упоминавшиеся до этого объекты. Среди примеров объектов, упомянутых впервые, которые получили эксплицитный маркер, преобладают примеры, входящие в состав посессивной конструкции (см. примеры (35-36)). Таким образом, они не являются в строгом смысле новыми для слушателя, так как он легко может их идентифицировать.

- (35) Maṣx-un-le alay-oxun
найти.IMP-PL-LS.3PL бог.PL-P.2PL
‘Найдите своих богов’

(36) i taxmun=ələ ganv-ən-na
и думать.PROG=3M красть.PRS-SS.1M-LS.3F
cusit-ət malca
шапка(F)-REL царь(M)
‘Думает: «Украду шапку царя»’

Это распределение данных не обязательно связано с информационной структурой – оно также может быть проявлением влияния иерархии определенности, ведь все топикальные объекты по умолчанию определенные, а не имеющие статуса топика – нет. Те примеры маркированных новых объектов, большинство из которых состоят в посессивных отношениях, подтверждают эту гипотезу, ведь посессивные отношения делают объект определенным.

Что касается влияния референциального расстояния на появление маркирования, то здесь данные расходятся, если анализировать спонтанные тексты и текст на перевод. Данные для обоих типов текстов ограничены только индексированием как способом маркирования объекта из-за малого количества данных по флеггингу.

Если посмотреть на данные из переведенного текста (Таблица 11), можно заметить следующую закономерность: при референциальном расстоянии 1 объект гораздо чаще не получает эксплицитного маркера, чем при референциальном расстоянии 2 или больше. Данные распределены неравномерно, и связь между критериями является статистически значимой (значение по критерию χ^2 составляет 6.087, $p = 0.014$).

Таблица 11. Референциальное расстояние. Текст на перевод

	Ø	индекс	всего
PP 1	14	47	61
PP > 1	3	47	50
Всего	17	94	111

Такое поведение представляется довольно логичным: если объект только что упоминался в дискурсе, он достаточно активирован, чтобы слушатель не перепутал его с другим объектом, так что его маркирование оказывается избыточным [Givón 2017: 283-285].

Однако, к сожалению, эта гипотеза не поддерживается данными по спонтанным текстам из таблицы 12, где распределение вхождений в первых трех строках не демонстрирует значимых различий (Значение критерия χ^2 составляет 0.080, $p = 0.778$). Таким образом, сейчас эту гипотезу невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть из-за недостаточности имеющихся данных, вследствие чего она требует дальнейшего исследования на большем материале.

Таблица 12. Референциальное расстояние. Спонтанные тексты

	Ø	индекс	всего
PP 1	14	35	49
PP 2	2	8	10
PP 3	9	16	25
PP Ø	31	12	43
Всего	56	71	127

Что же касается гипотезы Йеммоло о различии DOF и DOI, где флеггинг маркирует сменяющийся топик, а индексирование –

продолжающийся, то, судя по всему, для данного идиома эта гипотеза не верна в связи с ограниченностью использования флеггинга.

7. Выводы

Итак, в данной работе я рассматривала устройство системы дифференцированного маркирования объекта в христианском урмийском идиоме (восточные новоарамейские < северозападные семитские < семитские < афразийская макросемья) села Урмия (Краснодарский край). Рассматривалось влияние параметров одушевленности, определенности, лица, числа, референциального расстояния до предыдущего упоминания объекта в дискурсе, тип суффикса, используемого для маркирования объекта (что в свою очередь зависит от видовременной формы глагола).

Перед тем как перейти к результатам влияния этих параметров на дифференцированное маркирование, отмечу несколько особенностей системы маркирования. В христианском урмийском существует два типа маркера объекта – индекс на глаголе и флег (конструкция с предлогом *ka*). Несмотря на то, что двойное маркирование объекта является маргинальным, все же оно может встречаться с объектами крайней дискурсивной значимости – с протагонистами рассказа. Маркирование предложной конструкцией с *ka* используется реже, чем индексирование на глаголе. В целом за каждым из этих маркеров сохраняется своя сфера использования: для индекса – это в первую очередь прямые объекты, для предлога *ka* (флега) – дативные участники и лишь в отдельных случаях прямые объекты.

Перейдем к дифференцированному маркированию. Влияние иерархий соответствует типологическим ожиданиям: объект, находящийся высоко на иерархиях лиц, одушевленности или определенности скорее получает маркер, а объект, находящийся низко, – скорее нет. Число не влияет на маркирование: объекты единственного и множественного лица получают маркер с примерно

равной частотой. Объекты-локуторы (объекты 1 и 2 лица) всегда маркируются.

Единственный выявленный запрет в маркировании объекта лежит в области маркирования неодушевленных объектов: они не могут маркироваться предложно с помощью *ka*. Маркирование предлогом *ka* в целом больше свойственно для людей, нежели для животных. Этот же запрет на маркирование неодушевленных предложным маркером *ka* прослеживается в маркировании вопросительных местоимений, что является типичным для многих семитских языков: в то время как *man* 'кто' обязательно сопровождается предлогом *ka*, *ti* 'что' никогда не получает маркера. Помимо этого, прослеживается следующая тенденция: одушевленные объекты крайне редко не получают никакого маркирования. Та же тенденция прослеживается и для шкалы определенности: определенные объекты редко не маркируются; определенные ИГ чаще индексируются, чем неопределенные.

В видовременной системе заметна разница в маркировании объектов: индексирование редко встречается при формах, требующих S-суффикса в качестве маркера объекта, – это формы системы перфекта – что объясняется историей соответствующих показателей. В формах, где объекты маркируются L-суффиксами, – то есть в формах системы инфекта – чаще используется индекс на глаголе, чем предложная конструкция. В формах, где объект индексируется P-суффиксами, а именно в формах прогрессива и результатива – одинаково часто встречается как индексирование, так и флеггинг.

Что касается информационной структуры, здесь можно отметить следующие результаты. Первой гипотезой, которая здесь проверялась, была гипотеза о влиянии топикальности на появление маркера объекта: если объект является топиком, он с большей вероятностью будет маркирован, чем объект, не имеющий статуса топика. Результаты соответствуют ожиданиям этой гипотезы: объекты с низким уровнем топикальности (упомянутые

впервые) маркируются гораздо реже, чем топикальные объекты. Почти все упомянутые впервые объекты, которые тем не менее получают маркер, являются частью посессивной конструкции. Это наводит на мысль о том, что, возможно, анализируя различие в маркированности у топикальных и нетопикальных объектов, мы в итоге видим влияние определенности, так как все топики обязаны быть определенными, а те из нетопикальных объектов, которые маркируются, тоже являются определенными благодаря посессивности.

Второй гипотезой было различие между системами DOI и DOF, выдвинутой Йеммоло: согласно этой гипотезе, типологически индексирование отвечает за маркирование продолжающегося топика, а флеггинг – за маркирование переключения топика. Эта гипотеза не подтверждается на материале урмийского новоарамейского из-за редкости использования *ka*-конструкции в текстах: с прямыми объектами она встречается или при протагонистах, или при объектах, выраженных местоимением.

Литература

Aissen 2003a – Aissen, Judith. 2003a. Differential Object Marking. Iconicity vs. Economy. *Natural Language & Linguistic Theory* 21(3). 435-483.

Aissen 2003b – Aissen, Judith. 2003b. Differential coding, partial blocking, and bidirectional OT. In Pawel Nowak & Corey Yoquelet (eds.), *Proceedings of the 29th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 29(1), 1-16. Berkeley Linguistics Society.

Appleyard 2004 – Appleyard, David L. 2004. Some thoughts on the origin of the Amharic ‘object marker’ [-ən]. In Verena Böll & Siegbert Uhlig (eds.), *Studia Aethiopica. In honour of Siegbert Uhlig on the occasion of his 65th birthday*, 291-301. Wiesbaden: Harrassowitz.

Ariel 1999 – Ariel M. 1999. The development of person agreement markers: From pronouns to higher accessibility markers //Usage-based models of language. 197-260.

Baerman 2007 – Baerman, Matthew. 2007. Morphological reversals." *Journal of linguistics* 43.1. 33-61.

Baker 2012 – Baker, Mark. 2012. On the relationship of object agreement and accusative case: Evidence from Amharic. *Linguistic Inquiry* 43. 255-274.

Borg & Azzopardi-Alexander 1997 – Borg, Albert J. & Marie Azzopardi-Alexander. 1997. *Maltese*. London: Routledge.

Borg & Comrie 1984 – Borg, Albert J. & Bernard Comrie. 1984. Object diffuseness in Maltese. In Frans Plank (ed.), *Objects: Towards a Theory of Grammatical Relations*, 109–126. London: Academic Press.

Borg & Mifsud 2002 – Borg, Albert J. & Manwel Mifsud. 2002. Maltese object marking in a Mediterranean context. In Paolo Ramat & Thomas Stolz (eds.),

Mediterranean languages: Papers from the MEDTYP workshop, 33–46. Bochum: N. Brockmeyer.

Bosson 1991 – Bosson, Georg. 1991. Differential object marking in Romance and beyond. In Dieter Wanner & Douglas A. Kibbee (eds.), *New analyses in Romance Linguistics: selected papers from the XVIII linguistic symposium on Romance languages*, 143–170. Amsterdam: John Benjamins.

Coghill 2014 – Coghill, Eleanor. 2014. Differential object marking in Neo-Aramaic. *Linguistics* 52(2). 335–364

Cohen 1936 – Cohen, Marcel. 1936. *Traité de langue amharique (Abyssinie)*. Paris: Institut d'Ethnologie.

Comrie 1979 – Comrie Bernard. 1979. Definite and animate direct objects: A natural class // *Linguistica silesiana* 3. P. 13–21.

Comrie 1989 – Comrie, Bernard. 1989. *Language universals and linguistic typology*. Second edition. Oxford: Blackwell.

Comrie et al, 2008 – Comrie, Bernard, Haspelmath, Martin, Bickel, Balthasar. 2008. The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses About the rules. *Max Planck Institute for Evolutional Anthropology*. P. 10.

Cowell 1964 – Cowell, Mark. W. 1964. *A reference grammar of Syrian Arabic. Based on the dialect of Damascus*. Washington, DC: Georgetown University Press.

Creason 2004 – Creason, S. 2004. Aramaic. In: R. D. Woodard (ed.) *The Cambridge encyclopedia of the world's ancient languages*. Cambridge: Cambridge University Press. 391-426.

Croft 1988 – Croft, William. 1988. Agreement vs. case marking and direct objects. In Michael Barlow & Charles A. Ferguson (eds.), *Agreement in natural language*.

Approaches, theories, descriptions, 159-179. Stanford: Center for the Study of Language and Information.

Dahl 2008 – Dahl, Östen. 2008. Animacy and egophoricity: Grammar, ontology and phylogeny. *Lingua* 118(2). 141–150.

Dalrymple, Nikolaeva 2011 – Dalrymple, Mary & Irina Nikolaeva. 2011. Objects and information structure. Cambridge: Cambridge University Press.

Danon 2002 – Danon, Gabi. 2002. Case and formal definiteness. The licensing of definite and indefinite noun phrases in Hebrew. Tel Aviv: Tel Aviv University dissertation.

de Hoop, de Swart 2009 — de Hoop H., de Swart P. Differential Subject Marking. Dordrecht, 2009.

de Swart 2006 – de Swart, Peter. 2006. Case markedness. In Leonid Kulikov, Andrej Malchukov & Peter de Swart (eds.), *Case, valency and transitivity*, 249–268. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins.

de Swart 2007 – de Swart, Peter. 2007. Cross-linguistic variation in object marking. Nijmegen: Radboud University dissertation.

Du Bois et al. 2003 – John W. Du Bois, Lorraine E. Kumpf and William J. Ashby (eds.). Preferred argument structure. *Grammar as architecture for function*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 2003.

Dixon 1994 – Dixon R. M. W. 1994. *Ergativity*. – Cambridge University Press. Faber, Alice. 1997. Genetic subgrouping of the Semitic languages. In Robert Hetzron (ed.), *The Semitic languages*, 3-15. London: Routledge.

Fillmore 1977 – Fillmore C. J. The case for case reopened // *Grammatical relations*. – Brill, 1977. – C. 59-81.

Foley 2007 – Foley, William A. 2007. A typology of information packaging in the clause. In Timothy Shopen (ed.), *Language typology and syntactic description*.

Second edition. Volume I: Clause Structure, 362-446. Cambridge: Cambridge University Press.

Givón 1976 – Givón, Talmy. 1976. Topic, pronoun, and grammatical agreement. In Li (ed.), 149-88

Givón 1979 – Givón, Talmy. 1979. On understanding grammar . New York: Academic Press.

Givón 1983 – Givón Talmy. 1983. Topic continuity in discourse. – Amsterdam: John Benjamins. – C. 1-41.

Givón 2017 – Givón T. The story of zero. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2017. – T. 10.

Glinert 1989 – Glinert, Lewis, 1989. The grammar of Modern Hebrew. Cambridge: Cambridge University Press.

Haig 2018 – Haig, Geoffrey. 2018. The grammaticalization of object pronouns: Why differential object indexing is an attractor state. *Linguistics* 56(4). 781–818. doi:10.1515/ling-2018-0011.

Haspelmath 2008 – Haspelmath, Martin. 2008. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries. *Cognitive Linguistics* 19(1). 1–33.

Haspelmath 2019 – Haspelmath Martin, 2019 Indexing and flagging, and head and dependent marking //Te Reo. – 2019. – T. 62. – №. 1 (Issue in Honour of Frantisek Lichtenberk). – C. 93-115.

Hoberman 1988 – Hoberman R. D. 1988. Emphasis harmony in a Modern Aramaic dialect //Language. 1-26.

Hopper & Thompson 1980 – Hopper, Paul J., and Sandra A. Thompson. “Transitivity in Grammar and Discourse.” *Language*, vol. 56, no. 2, 1980, pp. 251–299.

- Iemmolo 2010 – Iemmolo, Giorgio. 2010. Topicality and differential object marking. Evidence from Romance and beyond. *Studies in Language* 34(2). 239–272.
- Iemmolo 2011 – Iemmolo, Giorgio. 2011. Differential object marking. Dissertation. Pavia: University of Pavia.
- Iemmolo & Klumpp 2014 – Iemmolo, Giorgio & Klumpp, Gerson. Introduction. *Linguistics* [special issue on differential object marking] 52(2). 2014. 271 – 279
- Jäger 2007 – Jäger, Gerhard. Evolutionary game theory and typology: a case study. *Language* 83(1). 2007. 74–109.
- Jastrow 1988 – Jastrow, O. 1988. Der neuaramäische Dialekt von Hertevin (Provinz Siirt). Wiesbaden: Harrassowitz
- Kalinin, Loesov 2013 — M. Kalinin, S. Loesov. Encoding of direct object throughout the History of Aramaic // *Babel und Bibel* 7, 2013. P. 447–526.
- Khan 1984 – Khan, Geoffrey A. 1984. Object Markers and Agreement Pronouns in Semitic Languages. *Bulletin of the School of Oriental and African Languages* 47. 468–500.
- Khan 1999 – Khan G. The Neo-Aramaic dialect spoken by Jews from the region of Arbel (Iraqi Kurdistan) // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. – 1999. – T. 62. – №. 2. – C. 213-225.
- Khan 2016 – Khan Geoffrey A. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Vols. 1–4. Leiden; Boston: Brill. 2016
- Kievit & Kievit 2009 – Kievit, Dirk & Saliem Kievit. 2009. Differential object marking in Tigrinya. *Journal of African Languages and Linguistics* 30(1). 45–71.
- Lehmann 1982 – Lehmann, Christian. 1982. Universal and typological aspects of agreement. In Hansjakob Seiler & Franz Josef Stachowiak (eds.), *Apprehension:*

- Das sprachliche Erfassen von Gegenständen, 201–267. Tübingen: Narr. Leslau, Wolf. 1950. *Ethiopic documents: Gurage*. New York: Viking Fund.
- Leslau 1950 – Leslau, Wolf. 1950. *Ethiopic documents: Gurage*. New York: Viking Fund.
- Leslau 1995 – Leslau, Wolf. 1995. *Reference grammar of Amharic*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Leslau 1999 – Leslau, Wolf. 1999. *Zway Ethiopic documents. Grammar and dictionary*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Meyer 2005 – Meyer, Ronny. 2005. *Das Zay: deskriptive Grammatik einer Ostguragesprache*. Köln: Köppe.
- Mithun 1984 – Mithun M. 1984. The evolution of noun incorporation // *Language*. T. 60. – №. 4. – С. 847-894.
- Mulder 2014 – Mulder M. *Differential object marking in Semitic*. Master thesis, Research master Linguistics, University of Amsterdam, 2014. P. 32
- Murre-van den Berg 1999 — H. L. Murre-van den Berg. *From a spoken to a written language. The introduction and development of literary Urmia Aramaic in the nineteenth century*. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1999.
- Næss 2004 – Næss, Åshild. 2004. What markedness marks: the markedness problem with direct objects. *Lingua* 114. 1186–1212.
- Nichols & Bickel 2005 – Nichols, Johanna & Bickel, Balthasar. 2005. Locus of marking in the clause. In Martin Haspelmath, Matthew S. Dryer, David Gil & Bernard Comrie (Eds.), *The world atlas of language structures*, 98–101. Oxford: Oxford University Press. <http://wals.info/chapter/23>.
- Nikolaeva 1999 – Nikolaeva, Irina. 1999. Object agreement, grammatical relations, and information structure. *Studies in Language* 23. 331–376.

- Nikolaeva 2001 – Nikolaeva, Irina. 2001. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics* 39(1). 1-49.
- Nöldeke 1904 – Nöldeke, Theodor. 1904. *Compendious Syriac grammar*: Translated from the second German edition by James A. Crichton . London: Williams and Norgate.
- Ovsjannikova M., Zabelina E., Kozhanov K., in process. Non-Urmi Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmiya, Russia. Part 1-2.
- Pennacchietti, Tosco 1991 – Pennacchietti, Fabrizio A, and Mauro Tosco. 1991. *Testi Neo-Aramaici dell'Unione Sovietica: Raccolti Da Enrico Cerulli*. Napoli: Istituto universitario orientale, Dipartimento di studi asiatici.
- Rubin 2005 – Rubin, A. 2005 *Studies in Semitic Grammaticalization*. Winona Lake
- Serdobolskaya, Toldova 2012 – Serdobolskaya N., Toldova S. 2012 Information structure at odds with discourse factors: evidence from Finno-Ugric differential object marking //workshop “Categories of Information Structure across Languages”, Max Planck Institute for Psycholinguistics, Nijmegen.
- Shain & Tonhauser 2011 – Shain, Cory & Judith Tonhauser. 2011. The synchrony and diachrony of differential object marking in Paraguayan Guaraní. *Language Variation and Change* 22. 321–346.
- Siewierska & Bakker 2008 – Siewierska, Anna & Dik Bakker. 2008. Case and alternative strategies. Word order and agreement marking. In Andrej L. Malchukov & Andrew Spencer (eds.), *The Oxford handbook of case*, 290-304. Oxford: Oxford University Press.
- Siewierska 1999 – Siewierska, Anna. 1999. From anaphoric pronoun to grammatical agreement marker: Why objects don't make it // *Folia Linguistica* 33. 225–251.

Silverstein, Michael. 1976. Hierarchy of features and ergativity. In Robert M.W. Dixon (ed.), *Grammatical categories in Australian languages*, 112-171. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies.

Sinnemäki 2014 – Sinnemäki, Kaius. 2014. A typological perspective on Differential Object Marking. *Linguistics* 52(2), 281-313.

Wagner 1953 – Wagner, Ewald. 1953. *Syntax der Mehri-Sprache unter Berücksichtigung auch der anderen neusüdarabischen Sprachen*. Berlin: Akademie-Verlag.

Wilson, A. M. 1889. The particle 'et in Hebrew, *Hebraica*, vI, 139-50, 212-224

Агассиев 2007 – Агассиев 2007 — Агассиев С. А. Грамматика современного ассирийского языка. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена. 2007

Лявданский 2009 — Лявданский, А. К. Новоарамейские языки // А. Г. Белова и др. *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки*. М.: Academia, 2009. С. 660–693.

Оскольская С. А., Стойнова Н. М. Дифференцированное маркирование объекта в нанайском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. – 2017. – Т. 13. – №. 3.

Сай 2020 – Сай С. С. Маркирование актантов двухместных предикатов в новоарамейских идиомах села Урмия // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. – 2020. – Т. 2. – №. XVI.

Саркисов 2017 — И. В. Саркисов. Дифференцированное маркирование объекта в христианском урмийском диалекте новоарамейского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 371–392.

Саркисов 2018 — И. В. Саркисов. К вопросу об эргативности в новоарамейских языках // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIV. Ч. 2. С. 380–399.

Сердобольская, Толдова 2012 – Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Москва. – 2012. – С. 59-141.

Церетели 1964 – Церетели К. Г. Современный ассирийский язык. – М. Наука, Глав. ред. восточной лит-ры, 1964

Приложение

Анкета 1. Одушевленность и определенность.

{Женщина хочет покормить собаку} Собака кусает ее
Эта собака кусает Анну
Эта собака кусает мою жену
{К собаке подошла женщина с ребенком} Эта собака кусает женщину
Эта собака кусает какую-то женщину
{Плохую женщину легко узнать по тому, как на нее реагируют животные} собака кусает плохую женщину, но никогда не кусит хорошую.
{Анка -- наша корова} Мой муж убивает Анку
{Я подготавливаю корову для жертвы} Сейчас мой муж убивает ее.
Волк убивает корову, которая кормила всю нашу семью.
Волк убивает мою корову.
Волк убивает какую-то корову.
Волк легко убивает корову, если корову не защищает собака
{Я принес жене дыню} Жена ест ее.
Жена ест мою дыню
Старик ест какую-то дыню
Летом человек ест дыню, а зимой -- нет
Женщина моет свою дочь
Женщина моет какую-то девочку
Женщина моет свою кошку
{Женщина работает на ферме} Женщина моет какую-то корову.
{Перед операцией} доктор обязательно моет кошку или другое животное
Женщина моет эту дыню
Женщина моет какую-то дыню

Летом женщина моет дыню, а зимой плетет корзину

Анкета 2. Время и число.

Если девочка придет сюда, брат ее побьет.

Если соседские мальчишки придут сюда, наши мальчики их побьют

Мальчики бьют тех соседских мальчишек

Смотри: Мальчик бьет сестру.

Когда соседские мальчишки пришли сюда, наши мальчики их побили.

Когда девочка пришла сюда, брат ее побил.

(Представляешь, что вчера устроили дети?!) Когда мы вернулись домой, мальчик бил сестру.

(Представляешь, что вчера устроили дети?!) Когда мы вернулись домой, мальчики били девочек.